

Поверь в эту чушь, он не удержался от загадочной улыбки счастливого, даже не подозревая, какая судьба, достойная настоящего неудачника, нависла над ним.

В 23:15 в небольшом особняке семьи Тан было ярко освещено, а в гостиной царил особая оживленность.

— Ты посмей, не двигайся с места! — раздался громкий женский голос. Если бы звукоизоляция на втором этаже не была столь хороша, она могла бы разбудить папу Тана, который только что уснул.

Тан Сяоюй прятался за спиной дяди Чжао, не испытывая ни малейшего стыда за то, что использовал старика как живой щит.

Высунув голову из-за спины дяди Чжао, он показал свои разноцветные волосы на макушке, с недоумением и растерянностью произнес:

— Давай не будем обсуждать, есть ли у меня смелость, но ты держишь в руках вазу, и ты думаешь, что моя башка железная, чтобы я не убежал?

— Сяожань, давай поговорим спокойно, сначала положи то, что держишь в руках, — дядя Чжао, с листом чая в руке, был вытолкнут Тан Сяоюем из кухни в качестве щита, и теперь его лицо было покрыто горькой улыбкой.

Тан Сяожань дрожала от гнева, и даже сине-белая фарфоровая ваза в её руках дрожала, заставляя брата нервничать. Он добавил:

— Осторожнее! Уронишь — пять миллионов!

Тан Сяожань почувствовала, как запястье вдруг стало невыносимо тяжелым.

Стиснув зубы, она с глубоким разочарованием в карих глазах поставила вазу на место. Оглядевшись, она обнаружила, что самой безопасной вещью для избежания Тан Сяоюя была подушка с дивана.

— Вылезай из-за дяди Чжао! — она указала на Тан Сяоюя, приказывая низким голосом.

— Да ладно, хоть скажи, за что умираю, сразу из машины — и в драку. Сестра, тебя что, подменили? — Тан Сяоюй с недоумением смотрел на неё, опираясь на плечо дяди Чжао и вытягивая шею, чтобы умолять.

Тан Сяожань одной рукой схватила подушку и, сделав три шага за два, подбежала к брату, начала яростно бить его подушкой.

Била она с силой, ругаясь:

— Ты, подлец Тан Сяоюй! Ничему хорошему не учишься, только плохому! На всякие мелкие гадости ты мастер!

Парень, которого она била до головокружения, прикрывал голову руками, с трудом выкрикивая из-под града ударов:

— Я тебе говорю, если ты продолжишь бить, я начну отвечать... Я правда начну...

И тут удары прекратились.

Он поднял голову и увидел, что глаза девушки покраснели, она тяжело дышала, но всё ещё упрямо смотрела на него.

Пока слёзы, крутившиеся в её глазах, наконец не упали, пока подушка не выскользнула из её побелевших пальцев, пока её дрожащее тело не успокоилось.

Она подняла правую руку, прикрыв глаза тыльной стороной ладони, и Тан Сяюй мог видеть только её алые губы, произносящие хриплые слова:

— Ты хочешь... меня в могилу вогнать...

Тыльная сторона ладони прикрыла глаза, но не смогла скрыть слёзы, струящиеся по щекам.

Почему-то, услышав эти слова, Тан Сяюй почувствовал, как сердце сжалось, и он впервые испытал такую явную панику, словно мог почувствовать то, что переживала она в этот момент.

— Это было настоящее разочарование в нём, которое вызвало такую безнадежную печаль.

В тот момент у него возникло сильное предчувствие.

То, что он сделал, стало известно Тан Сяожань.

В гостиной на мгновение воцарилась тишина, прерываемая только дыханием присутствующих.

Тан Сяожань прикрыла глаза, желая вернуться на полчаса назад и оттащить себя, которая так легко шутила о розыгрыше.

Тогда бы она не узнала, что истина, которую она так долго искала... была так близко.

Беда пришла изнутри, и это было для неё невыносимым фактом.

Она никогда не забудет тот холод, который охватил её, когда она услышала слова Тан Сяюя.

«Я просто передал документы старику, это он сам тогда сел за руль и поехал, это он сам пошёл по пути смерти, это не ко мне... Я не хотел, чтобы он умирал...»

Эти бормочущие слова, пытающиеся убедить самого себя, выдали его страх, который заставил её также потерять покой.

Щелчок замка раздался, привлекая внимание всех в комнате.

Тан Сяочжан вернулся с портфелем, увидев происходящее, он удивленно остановился:

— Уже так поздно, а вы ещё не легли спать?

Обычно в это время в гостиной не было так шумно.

Дядя Чжао подошел к нему, взял портфель и объяснил:

— Старший молодой господин, они просто поссорились, вы посмотрите...?

Раньше он бы никогда не попросил Тан Сяочжана вмешаться.

Но, видя, как Сяожань стала относиться к своему старшему брату теплее, он решил сказать.

Тан Сяочжан, с глазами черными как смоль, оглядел их, встретил презрительный взгляд Тан Сяоюя и спокойно направился к Тан Сяожань, мягко спросив:

— Что случилось?

Увидев его, Тан Сяожань почувствовала, как в сердце поднялись чувства вины и страха, думая, что если бы она продолжала жить в неведении, то снова услышала бы о смерти старшего брата.

Не раздумывая, она бросилась к нему, обняв его, что застало мужчину врасплох.

Казалось, что в последнее время Сяожань стала очень привязана к нему.

Он инстинктивно погладил её по голове, его движения стали менее скованными, и он мягко произнес:

— Сегодня ты только что совершила подвиг, мы с папой обсуждали подарок для тебя, есть ли что-нибудь, что ты хочешь?

Там Тан Сяоюй, наблюдая за этой раздражающей сценой братской любви, чувствовал, как гнев поднимается в нем.

Он отвернулся и стоял на месте, погруженный в свои мысли.

Тан Сяожань вышла из его объятий, посмотрела на него и твердо ответила:

— Мне ничего не нужно.

Тан Сяочжан был удивлен её серьезным взглядом, словно увидел, как ребенок, который всегда только просил сладости, вдруг повзрослел.

Но это действительно не соответствовало обычному стилю Тан Сяожань, и он, чтобы уточнить, спросил снова:

— Porsche, о котором ты говорила в прошлый раз, тоже не хочешь? Или, может, заменим на Lamborghini?

Тан Сяожань покачала головой, опустив взгляд на блестящий пол, и повторила свои слова:

— Не нужно Porsche, не нужно Lamborghini, мне ничего не нужно.

«Мне ничего не нужно. Ты можешь просто хорошо жить, до ста лет, старший брат?»

Возможно, переживая смерть, она стала психологически сильнее, и теперь она постепенно успокоилась, даже смогла улыбнуться своему старшему брату, как будто ничего не произошло.

— Я просто поссорилась с Сяоюем, ты знаешь, мы ссоримся три-пять раз в месяц. Уже поздно, старший брат, иди спать, завтра тебе на работу, не беспокойся обо мне.

Тан Сяочжан еще раз проверил её выражение лица, увидев, что в её глазах нет ничего, кроме ясности, и кивнул:

— Хорошо, вы тоже ложитесь спать пораньше.

Увидев, как Тан Сяожань тянет Сяюю за рукав наверх, он подумал и добавил:

— Если что-нибудь понадобится, скажи мне.

Тан Сяюю не смог сдержаться, чтобы не ответить ему, но встретив спокойный, но немного странный взгляд своей сестры, он почему-то сдержался.

Как будто боялся, что её разочарование в нём станет еще сильнее.

*

На втором этаже, в комнате Тан Сяюю.

Стоя перед письменным столом с несколькими моделями трансформеров, девушка огляделась, документы о сотрудничестве с компанией Сяо исчезли, стол был чист, только в шкафу за столом было полно файлов.

Ей не хотелось копаться самой, она протянула руку:

— Отдай.

— Что? — Тан Сяюю смотрел на нее с недоумением, но в глубине души боролся с отчаянием.

Вдруг она не знает?

Вдруг это из-за чего-то другого?

Но Тан Сяожань не хотела играть в кошки-мышки, она медленно, с акцентом, повторила:

— Отдай материалы, которые ты собрал о старшем брате.

— Какие материалы? Ничего такого нет, — Тан Сяюю верил людям, которых он нанял, и был уверен, что информация не могла просочиться от них.

На его лице все еще была тень сомнения, он хотел узнать, откуда она получила эту информацию.

Тан Сяожань чуть не рассмеялась, она с головы до ног оглядела своего брата, от его разноцветных волос на лбу до новых кроссовок на ногах, словно видела его в первый раз.

Автор хочет сказать:

Маленькая сценка:

Когда Тан Сяюю узнает настоящую историю, стоящую за розыгрышем —

Тан Сяюю: «...» Сердце умерло, надежд на наследство в этой жизни больше нет.

Прочитав ещё одну фразу, Тан Сяожань: «...» Сердце умерло, сколько же секретов скрывал от меня мой брат?